

ISSN 0132-2095

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 21

1990

Николай НОВИКОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

НЕ СПЕША ОГЛЯНУЛСЯ...

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 21

Издается с января 1925 года

Николай НОВИКОВ

НЕ СПЕША ОГЛЯНУЛСЯ...

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Николай НОВИКОВ

Николай Георгиевич Новиков родился в 1930 году в Москве. После окончания подготовительного, а затем высшего военно-морского училища служил на Краснознаменном Черноморском флоте, командовал торпедным катером. После демобилизации работал в газете в Крыму, окончил факультет журналистики МГУ. Первый сборник стихотворений «Убеждение» вышел в 1961 году в Симферополе.

В 1973 году вернулся в Москву. Автор книг стихов «Внуковская осень», «Грань города», «Московский говорок», «Север и юг», «Старая дружба» и других. В сборнике «Не спеша оглянулся...» собраны стихи разных лет.

КАК ГОВОРИЛИ В СТАРИНУ...

Когда какой-нибудь шельмец
Ваш оскорблял рассудок
И в упоении —

                                врания
Ряд громоздил на ряд,
То говорили в старину:
«Побойтесь Бога, сударь!»
Как говорили в старину,
Теперь не говорят.

А если вами уличен
В интригах и наветах
И вашу честь задел
                                и слов

Не хочет брать назад,
То говорили в старину:
«Дуэль на пистолетах!»
Как говорили в старину,
Теперь не говорят.

А жизнь и у него одна,
А все мы не бессмертны,
Но если враг повержен вспять,
Поверженным не мстят,
«Пощады, сударь! — он просил, —
О, будьте милосердны...»
Как говорили в старину,
Теперь не говорят.

Не царь, однако, и не смерд,
Не раб, но и не барин,
Согласен ли, читатель-друг,
Со мной, читатель-брат?

А если да, то я за то
Премного благодарен,
Как говорили в старину
И как не говорят.

* * *

*Славьте,
молот
и стих,
Землю молодости.*

В. Маяковский

Классик, знаете, не виноват,
Что не вечны ни молот,
ни стих,

Что ветшают слова
От старательной долгой долбежки.
В промежутки цитат,
В интервалы меж букв золотых
Поналезли букашки и мошки.

И чугун устает —
У машины летят шатуны,
Бронза сыплется —
что за вопрос! —
хоть проект
гениален.

В этом нет ни малейшей вины.
Чудака,
что от слов до волос,
От подошв
до поступков
Был сплошь и насквозь материален
Да, вины в этом нет.
Впрочем, нет и великой беды:
Время ставит на место и умника и прохиндея,
И теряется след,

И спасения нет от воды,
И пыреем-травой и репьем
Зарастает идея.

* * *

Жизнь открывается просто.
Глянешь: чего только нет...
Ларчик заветный — береста,
Коробочка из-под конфет.
Метрика с годом рождения —
Год неулыбчивый тот,
Что засекает лишения
И катастрофы пожнет.
Желтые ветхие снимки,
Образы милой семьи.
Где они все, невидимки,
Крепкие корни мои?
Жизни неведомой завязь,
С жизнью трагической связь,
Вот я гляжу, улыбаясь,
К деду плечом прислонясь.
В утренней бодрости, в силе,
Перед глазами стоит...
Дед мой давно уж в могиле,
В общей Сибири зарыт.
Снов моих серые тати,
Обысков сумрачный пыл.
След от сургучной печати
Письменный стол сохранил.
Что ни лицо — то потеря,
Что ни судьба — то беда.
В общие лозунги веря,
Как же мы жили тогда?
В эти подъемы и взлеты,
В эти прыжки и скачки.
Вот они, старые фото,
Грамоты, справки, значки...
Профиль на них низколобый,
Цифра, параграф, печать.
В двери стучат,
И попробуй
Сжаться и не отвечать...
Как же мы выжили?
Дожил

Как же до этого дня?
Прожил,
Прошел,
Подытожил.
Кто же здесь? Может, не я?
О, как непросто, непросто
Давний свой след узнавать!
Ларчик запретный — береста.
Может быть, не открывать?

* * *

Открыты рощи и пусты.
Рябина рдеет на поляне.
Дубам невидимое пламя
Коробит жесткие листы.
Осина запылала в срок...
И только небо, как весною,
Нас обдает голубизною,
И чист и холоден восток.
Вокруг — на много верст — ни звука
Борьбы между добром и злом.
И мы еще не сознаем:
За лесом стережет разлука.

ЗИМА ЭВАКУАЦИИ

Маме

На Провиантской улице
Не пахнет провиантом...
Зима эвакуации
Свалилась в сентябре
Старухой неприкаянной
С ворчанием невнятным,
И глина стала каменной
Однажды во дворе.

Зима эвакуации:
Сначала — минус двадцать,

А дальше — минус тридцать,
А после — к сорока.
Чужая авиация
Ночами прорывается,
Прочерчивают небо
Пунктиры ДШК.

Ночь лается зенитками,
А мы следим за нитками
Свивающихся трасс,
И с нетерпением зреющим,
Застигнутые зрением,
На чердаке мы — где ж еще!
И матери в убежище
Не дозовутся нас.
Уходит ночь с тревогою.
Теплеет свет за Волгою.
И «юнкерс», как зловонная —
Дымится — головня.
На Провиантской улице
Не пахнет провиантом,
И очередью хлебною
Отрезано полдня.

Зима эвакуации.
С нижегородской дикцией
Майор читает лекцию
В кружке ПВХО.
А что еще? — коллекции:
С царями ассигнации,
Собранья гильз и фантиков
И мало ли чего.

Все это одинаково
Свежо и любопытно
Одиннадцатилетнею
Воспринято душой.
В ней время мчится бешено,
В ней ничего не взвешено,
И все в ней перемешано,
Как в ранце за спиной.

* * *

А. А. Митюшиной

А где-то сохранился детский смех,
И слезы и затеи озорные...
Мы выросли. Но только не для тех,
Кто помнит нас во времена иные.

На Эверест сумеешь ты залезть,
Откроешь что-нибудь в пылу ученом,
Но для соседки из квартиры шесть
Останешься все тем же охлагоном,

Что водится с компанией дурной,
То — свистнет,
То — пистон взорвет у двери...
«Кто? — переспросит, — тот, что надо мной?!
Да никогда я в это не поверю».

Ты лез из кожи... Но уж повелось,
Что если не был в детстве уважаем,
То до седых останешься волос
Косым, Соленым или Баклажаном.

Не заносись! Ведь есть на свете дом,
Где с отрочеством зрелость равноправна.
Пророка нет в отечестве своем,
А во дворе своем — так уж подавно.

* * *

Как вечерами пусто на Петровке —
Закрылись магазины к девяти.
Безлюден тротуар у остановки,
Все на замках и некуда зайти.

Не встретишь у витрины ротозея,
Взгляд не ласкают книжные тома,
Как экспонаты книжного музея,
Стоят неосвещенные дома.

Спешишь пройти дорогою недлинной
От Трубной до Кузнецкого моста.
Как вечерами пусто на Неглинной,
Как Лихов пуст, как Сретенка пуста...

Какая ширь вокруг, какие дали!
Но вновь добро не оторвать от зла:
Как дружно тесноту мы проклинали,
Вот нет ее. А с нею жизнь ушла.

ДОМ В КРИВОНΙΚОЛЬСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

Дом в Кривоникольском переулке,
Наподобье сломанной шкатулки,
Взгляду постороннему открыт.
Под ногами выбитые стекла.
Штукатурка в комнатах промокла.
Провод полусорванный висит...

Он и наклонился как-то странно.
Он стоит — но нет его. По плану.
А по плану развернутся тут
Небоскребы нового Арбата.
Желтый работага-экскаватор
Явится. И стены упадут.

Нет на нем доски мемориальной —
Не пример культуры материальной,
Родом он не вышел, дом плебей,
Формулою — физик не обязан,
Романист — романом. Дом не связан
С жизнью замечательных людей.

Жаль, что не бывал здесь Грибоедов,
Не случилось с Гоголем обедов!
Все же над душой имеют власть
Эти потолки, полы и рамы:
Бесконечно дороги для мамы,
Мама в этом доме родилась...

Сыплются щебенкой перемены.
Время штукатурку перемелет
И утешит в горе и беде.
Средь домишек дряхлых и сутулых
Брел Кривоникольский переулок.
Где он нынче?
В самом деле, где?..

ПАТЕФОН

Заветный такой чемоданчик,
Сверкающий пряжкой-замочком...
Зеленый блестел дерматин...
Внутри же дремал мальчик-с-пальчик.
Будили — вращением ручки.
Разбудят — пластинку крутил.

И пел он так нежно и сладко
Про сад-виноград, про калитку,
Про темный полуночный час...
Меня же терзала загадка:
В конце музыкальной раскрутки
Звучал вместо тенора — бас!

А может быть, вовсе не мальчик,
А старенький седенький карлик
Залез в чемоданчик пустой.
К заветной тянулся я ручке:
Что прячет он? Что он там прячет?
Но мне говорили: «Постой.

Не тронь. Подрастешь и узнаешь,
Тогда пожелаешь — сломаешь.
Вся музыка будет твоя...»
Я вырос. Поездил по свету.
Узнал всю механику эту.
Но много ли выяснил я?!

* * *

Свистуны отсвистели в свистульки,
Игрецы отдудели в дуделки,
Отдохмил свои хохмы хохмач.
Подмечают арену метелки.
Гасят свет. Вот и все посиделки.
И — хоть выколи глаз,
Ну, хоть плачь...

А на улице холод и вьюга,
Холодюга, пьянчуга, бандюга,
И в торосах затерло трамвай,
И стоишь на углу, бедолага.

Позади — ни жены и ни друга,
Хочешь — плюнь,
Хочешь — так замерзай.

Хочешь — пой.
Хочешь — рви в чисто поле.
Это наша российская воля:
Небо — колокол. Месяц — язык.
Месяц — ножик,
А небо — холстина.
Или — крюк в «Англетере». А с тыла
Вместо неба — лишь вьюга впритык.

Минус тридцать. Какая Европа?!
Леденящая даль телескопа.
Рвы и кратеры — лунный пейзаж.
Да, какого-нибудь италийца
Ужаснет в эту пору столица.
Но ведь ты в ней родился.

Не зря ж?!
Так вот, друг. Позабудь про напасти,
Не дождавшись всеобщего счастья,
Как и транспорта, — двигай давай.
А пойдешь — там и вьюга отвяюжит,
Путь бульдозер-утюг отутюжит
И затренькает снова трамвай.

* * *

Все меньше лирики в природе,
Все тише шорох, звон и гам.
Все больше мусора при входе
В ее необозримый храм.

Увенчаны усилия наши —
Храм превращается в завод.
Все меньше радости в пейзаже,
В тонах небес
И в цвете вод.

Но что победы бесполезней
В тупой с природою войне,
Коль не здоровье, а болезни
Растворены в морской волне!

И даже эхо стало глуше,
Как бы невнятное уже...
Все меньше музыки снаружи,
Все меньше музыки в душе.

Разве настоящим ты живешь?!
Легкому послушна мановенью
Будущего ткущая нить...
Но не тщишь остановить мгновенье —
Легче шар земной остановить.

* * *

Не заметишь, как ночь удлинится,
Как прохладой пахнет из болот,
Как большие и малые птицы
Подготовят потомство в полет.
Где медовый дурман травостоя?
Легче, звонче, свободнее шаг.
В небо глянешь, а небо пустое.
В рощу вступишь — лишь ветки шуршат.

АНАСТАСИЯ, ЖЕНА АВВАКУМА

По Нерчи-реке метелица торопится.
Оскользается нога, а надо двигаться!
Вопрошает протопопа протопопица:
«А и долго ли, Петрович, будем мыкаться
По зиме, да по Сибири, да по голоду?
До Москвы первопрестольной еще тыщи верст,
А и сколько их от города до города!
Кто заблудится в тайге — уж не отыщется...»

Делишь горе да беду с женою верною,
Протопоп, твоя спина исполосована:
То кнуты, то батоги, то просто вервие,
Обличаешь ты пороки, а не солоно?
Тут зверью и птице счету нет — раздолье им,
Человек же сир и жив корой осиновою.
Не поймешь: где воеводы, где разбойники...
И охота тебе спорить со всеильными!
Протопопица твоя уж ходит по миру.
У чужих просить — нет доли окаянное.
Ребятишки кои живы, кои померли,
А и живы-то Христовым подаянием.
Аввакуме, пожалей ты их — покайся лишь!
Эпитимию наложат, ладно, тяжело ль вынести,

Сам ведь царь-надежа Алексей Михайлович
К протопопу Аввакуму не без милости...
Не научат батожьем — костром допестуют,
Если выи не склонишь да не покаешься —
Не за то, что отвергаешь троеперстие,
А за то, что перед властью не сгибаешься.

По Нерчи-реке метелица торопится,
Оскользается нога, а надо двигаться.
«Что сказать тебе, ответить, протопопица?
Видно, до смерти до самой будем мыкаться.
А и жаль тебя, голубку, да и детушек,
Тут не грешный аз — апостолы изверятся!
Я смолчу да поклонюсь — и будет хлебушек!
Хватит ссориться с неправдою да ересью».

Огляделась: одежонка вся заплатана,
Постояла, помолчала и заплакала,
Утерла платочком слезы, мужу молвила:
«Среди скверны твое слово — будто молния.
Не тужи ты из-за нашего терзания,
Но по-прежнему крепись в своем дерзании.
А невзгоды да печали — все слабей меня.
Вот тебе мое с детьми благословение!»

* * *

Никогда ничего не вернуть,
Как на солнце не вытравить пятна,
И, в обратный отправившись путь,
Все равно не вернешься обратно.
Эта истина очень проста.
И она, точно смерть, непреложна.
Можно в те же вернуться места,
Но вернуться назад
Невозможно.
Не повеять вчерашним ветрам,
Не светиться вчерашней улыбке...
Ах, как яростно хочется нам
Где-то в прошлом исправить ошибки!
Но земля не закрутится вспять,
Хоть упрись в нее лбом, хоть плечами:
Невозможно природе понять
Человеческой этой печали.

ДЕРЖАВИН

Гаврила Романович, палкой стуча,
По лестнице всходит лицейской,
Терзаем одышкой, прострелом плеча,
Снедаем печалью летейской.

Министр и Фелицы придворный Орфей,
На русском Парнасе наместник.
Директор встречает его у дверей
Потоком любезностей лестных.

Ведет мимо классов с парадами книг,
Блестят рукомойник и урна,
И в спальнях повсюду порядок.

Старик

Кивает: «Недурно, недурно».

А вот уж в комиссии старый пиит
На мягких подушках скучает.
То что-то рисует, то в окна глядит,
Пока лицеист отвечает.

Один Цицерона цитирует речь,
Вон шпарит-то как по-латыни!
Тот ищет спряженья (мечтает убечь!)
Да, были и мы молодыми.

Да, были... Походные вспомнить костры.
Ведь вот — не учились в лицеях...
«Как наши питомцы?»
«Питомцы остры
И в штудиях, вишь, и в рацеях».

Юнец долговязый читает стихи
Про море, что плещется бурно,
А моря не видел...
И рифмы плохи.

«Как нравятся вирши?»
«Недурно».

Ни дурно, ни здорово,
Ни студит, ни жжет,

Хоть краска ланиты румянит.
Пиндаром не будет, нет. Голос не тот.
Но, может, фельдмаршалом станет?

Да, оды писать — не балеты плясать,
Тут надобен слог дерзновенный.
А где он, Державину, старцу, под стать
Российский птенец вдохновенный?!

Но это уже он бормочет сквозь сон,
Он голову долу склоняет...
Мы знаем, что дальше случится. Но он,
Он дремлет — ведь он-то не знает.

За слабость сию извиним старика!
Минута пройдет, и его на века
Еще и за щедрость прославим.
Гаврила Романович дремлет пока.
На этом его и оставим.

* * *

Что для воды быстротечной
Век или сотня веков!
Трудолюбивою речкой
Сдвинут рельеф берегов.

Просто ли в камне пробиться?
Но — назначенью верна —
Все за крупницей крупицу
Носит и носит она.

Горы она осыпает,
Чтоб глубину засыпать, —
Море само отступает
Медленно, яростно — вспять!

Даль не окинута глазом.
Вечной мерещится тишь.
Что же ты празднуешь, разум?
Что же ты, сердце, молчишь...

Бывало, писал Ломоносов
Стихами о пользе стекла,
И рифма, как страннику посох,
Опорой в дороге была.

Хоть нынче подметить непросто
В докладах и меру и вкус,
Наука с поэзией — сестры:
Родство древнегреческих муз.

Сияньем великого смысла
Равно вдохновенны черты.
В оттенках скрываются числа,
А в формулах — след красоты.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ КАДРЫ

Е. Шафранскому

В облаке дыма и пены
Залпы погибшей эскадры.
Запечатленные сцены.
Документальные кадры.
Вижу я в шляпе ребенка,
Ныне — глубокого старца.
Узкая старая пленка —
Только клочок и остался...
Рот разевает оратор —
Мерзнут вокруг ротозеи,
Сходит с конвейера трактор,
Ныне стоящий в музее.
Ныне снесенные стены...
Площадь толпою забита...
Документальные сцены
Запечатленного быта...
Жестам, движениям, заботам
Жизнь подарила продление.
Лев Николаевич — вот он...
Остановите мгновенье!

* * *

Люблю собак.
В глаза им посмотрю —
Любовь и верность в золотом сосуде!
— Хорошие мои! — им говорю.
Хочу сказать:
— Хорошие вы люди.
Пес побежит привычно за тобой
В огонь и воду, на кулички к черту.
Он может соблазниться колбасой,
Но низменных при этом нет расчетов.
Ведь перенесший множество постов,
Имевший право лишь на укоризну,
Ведь он расстаться за тебя готов
Пусть с жалкой,
Но — с единственной жизнью!
Любовь и верность — золотой сосуд...
А как умеют ласково прижаться!
Кого-нибудь собакой назовут.
На это разве нужно обижаться?!

* * *

Зла не помни,
И бровей не вскидывай,
И вседневно мелкими обидами
Куль воображения не полни.
Право, нелегко под ним шагается,
И ходок от тяжести шатается.
Зла не помни.

Хоть и больно,
Ты в зубах зажми его,
Утопи в реке,
В костре сожги его,
Злостью закипающее слово!
Во дворе обломанное дерево
Зла не помнит,
Что ему содеяно,
И опять зазеленеть готово.

СТАРЫЙ МОСТ

Пробежать по старому этому мосту —
Что-то бы растаяло в полдень на свету,
С глаз туманом сгинуло, спало пеленой,
Горизонт раздвинуло поймою речной...

Пробежать по шаткому этому мосту —
Полверсту, а может быть, целую версту
И влететь в боярышник, в липы, в лебеду,
Чтобы голос бабушкин услыхать в саду...

Вскачь — по несуразному этому мосту —
И застать над Клязьмою синюю звезду.
Как волнует издавна этот тихий свет!..
Увидать хоть издали, как рыбачит дед.

Босиком по теплому этому мосту.
В паводок притопленный — сторож на посту,
Старый мост, качавшийся посреди небес...
Деревянный след его — даже след исчез.

ОХОТА НА БАБОЧЕК

Охочусь в азарте счастливым,
Снял кепку — была не была..
Удача —
    с волшебным отливом,
Все ближе трепещут крыла.
Поймаю, — за черствость поступка
Нимало себя не коря,
В морилку ее, в душегубку
Отправлю до вечера я.
Потом аккуратно расправлю
Пинцетиком тонким усы,
Нетронутым бархат оставлю
На крыльях небесной красоты.
Затея невинная,
    злая:
Живую люблю, а ловлю.
Спросить бы, да разве я знаю,
Что душу живую гублю?
Еще ничего не имею,

Солгать захочу — не солгу,
Себя убеждать не умею
И думать недолго могу.
Все в детстве у нас ненарочно...
Мелькнуло: зачем убивать?
Внутри засосало... Уж точно
Охотником мне не бывать!
Погоня. Азарт. Увлечение.
Восторг. Лихорадка. Недуг...
И странное вдруг облегченье:
Удача вспорхнула из рук!

* * *

Не спеша оглянулся: за мною
Верст на двадцать раскинулся день.
Но уже вечереет. С землею
И душа погружается в тень.

Не затем ли он дан в ощущение,
Этот миг, чтоб печалились мы?
Не затем ли в косом освещенье
Так объемны стога и холмы?

Ведь границы, доступные взгляду,
Ночь теснит — далека, глубока,
В золотые края Эльдорадо
Уплывают от нас облака.

* * *

Что скрывает самшит, в глубине приютив?
Что за страсти кипят в лозняке?
Мир ночной, неразгаданный, как негатив,
Весь колеблется на сквозняке.

Но когда заблестит голубая эмаль
И окрасится золотом лес,
Ни единой звезды не оставит — как жаль! —
Проявления скрытный процесс.

Две женщины беседу заведут
На кухне, где уютно дремлет веник
И где московский создают уют
В руках — вязанье, на плите — кофейник.

За словом — слово, нитью вьется речь.
Пестро, умно, а непонятно вроде:
О чем? О том, как торты надо печь?
Пожалуй, да. Но, впрочем, и о моде.

Но, кстати, и о детях. О грудных —
Коль молоды, а старше — о подростках.
И о химчистке. И — каков жених
У их подруги, броской среди броских.

О чем угодно. Как ни отвлечен,
Предмет не будет непригодным признан...
Встань над ручьем. Спроси его, о чем
Лепечет он? Да ни о чем. О жизни.

СТАРАЯ ДРУЖБА

Н. Злотникову

Нет легкомыслия в старом вине —
Не сотворишь молодую нелепость.
Здравствуй, дружище,
Представились мне
Дружбы твоей благородство и крепость.

К музыке старой забыты слова —
Время пришло, и опали, как листья.
Только мелодия так же нова —
Юным потоком ей литься и литься.

Здравствуй, дружище!
Друг другу в нужде
Мы подставляли с готовностью плечи...
Позабываешь о старой вражде.
Дружба, старея, становится крепче.

Старое дерево вспыхнет светло,
Заполыхает — лучины не нужно...

Здравствуй, дружище!
Какое тепло
Так согревает, как старая дружба!

ВЕСЕННЕЕ РАВНОДЕНСТВИЕ

В. Курбатову

Мрамор в прожилках — весны небосвод.
Снег ноздреватый. И ветер лохматый.
Мусор сгребают широкой лопатой —
Мусор он сеет и мусор пожнет.

Запахи ожили. Из-под льда
Словно бы поздняя осень возникла...
Радугой брызнула от мотоцикла,
Солнце в себе разломила вода.

Всюду движение, всюду возня,
Быстрыми крыльями взрезанный воздух,
Экий нестойкий неряшливый возраст!
Зыбкое равенство ночи и дня.

* * *

У нас во дворе, посреди тесноты,
Давно уже слыхом не слышно лапты,
Пристеночки, жестки и салочки,
И дивных двенадцати палочек...
Ах, прятки в подъездах — замри и молчи!
Терпенье при штандаре — бей нас!
Из тряпок мячи, из дощечек мечи —
Такая богатая бедность.
Сегодня и завтра — в азарте игры.
С ненастной поры и до пыльной поры.
В царапинах, шишках — и рады:
Заборы, коты, проходные дворы,
Сугробы и лужи — все было дары,
Удачи, находки и клады.
А нас бы в вареные джинсы одеть,
Дать мелочи столько, чтоб некуда деть,
Да в руки японский транзистор,
Да зеркало, чтоб отразиться,

И в нашем дворе, посреди тесноты,
Хоккей заменил бы наивность лапты,
Хоккей — простодушие салочек
И славных двенадцати палочек.

ФЛЕЙТА

Брату Леониду

Я помню, отец принимался за дело,
Со службы вернувшись домой,
И нежная флейта свистала и пела
И вечер, и весь выходной,

И вальсы кружились, и было их столько,
Что глянешь — клубами висят.
И словно очнувшись, высвистывал польку
Лихую —
из «Трех поросят».

Но мне он, как пряник, ту полечку выдав,
Разумно не мог объяснить,
Как музыкой в трубке становится выдох,
Прядется мелодии нить...

Кому объяснишь, что такое искусство?
Никто не поймет ничего.
И вряд ли он знал, отчего мне так грустно
От польки веселой его.

ГОЛОС БЛОКА

Голос Блока
(Не тенор и не баритон)
Глуховат
(Словно дерево старое — в трещинах),
Тих
(Вернее сказать — удален)
И спокоен
(Хоть все в нем трагически вещее).
И спокоен...
Но даже не снится покой

Средь куртин зачарованных певчего сада.
В кабаках, в переулках, над сонной рекой
Затемнение предгрозя.
Сырая прохлада.
Голос Блока
За целой стеной тишины,
Наслоениями судеб,
Пластами событий.
Старики говорили: «Еще до войны...»
Не до этой, до той —
Мировой, позабытой...
Но — цыганская ночь,
Но — смычки-соловьи,
Изнемогшие в зале
От страсти жестокой...
Но — несет официант
Незнакомке
С черной розой в бокале
От Блока...
Голос жизни
(Эпоха плитою над ним).
Голос страсти
(Охрипший от ветра недоброго).
Голос боли
(Отсюда едва различим).
Голос Блока
(Бороздка на воске фонографа).

* * *

Павлу и Ирине Гуровым

«Как?» — спросил Андреев Блока,
Отыскав его в партере,
Средь антракта на премьере
(«Анатэма» шла тогда).
Не удерживая вздоха,
Блок ему ответил: «Плохо».
Помолчал и: «Очень плохо!» —
Блок ответил навсегда.

В пестром хаосе событий
Затерялась эта малость,
Неродившаяся дружба,

Оборвавшаяся нить...
Но — вражды не отмечалось!
Ни при чем тут и эпоха.
Если плохо — значит, плохо.
Так и надо говорить.

ШАХМАТОВО

Приснился мне стоявший одиноко
Средь Подмоскovie дом поэта Блока,
Глядевший на постыдную возню
Невзрачных с виду, ныне неизвестных,
Тащивших что-то жителей окрестных.
Стоял, уже приговорен к огню.

Сожгли его с досады, с перепоя.
Взломав шкафы, расшвыривая, роя,
Тянули рухлядь старую на свет.
Темнея и пьянея от свободы,
Буфеты потрошили и комоды —
Клад все искали.
Клада нет и нет...

А дом богат был. Но не тем богатством,
Которого привыкли домогаться:
Копить и хапать, прятать под замок.
Дом был, как чаша, полон вдохновенья
И не одно, наверно, поколение
Из чаши этой напоить бы мог.

Как страшно занялась библиотека!
Как в пепел рассыпались мысли века,
Как огненными птицами — легки —
Вдруг вспархивали и садились тотчас,
Обугливаясь, съезживаясь, корчась,
Надежды, письма и черновики!

Огонь плясал, не разбирая пищи,
Над всей округой, над страной нищей,
Не ведавшей ни страха, ни греха...
И у огня соседи руки грели,
И разговору было на неделю,
Как барину пустили петуха.

* * *

Вот вышел из печати свежий том
От автора посмертно независим.
Десятки неизвестных прежде писем
Научно комментируются в нем.
Десятки писем — россыпь адресов.
Какая радость для библиофила —
Ура. Ура!
Пора снимать засов,
Который жизнь чужая наложила...
Ведь адресатов нет давным-давно,
И, стало быть, их мнение безразлично,
И некого уже обидеть лично,
Они не прочитают все равно.
Так оно так...
А все же что-то есть
Сомнительное в этом освоенье
Чужих секретов. Задевает честь,
Как в скважину замочную гляденье.
Была ли близость с Блоком у Дельмас?
С кем дрался у Асеевых Есенин?
Да что ж мы это делаем!
От нас,
От нашего участия нет спасенья!
Не нам же адресован этот лист,
Закапанный то ль воском, то ль слезами...
Захвачан любопытными глазами.
О, сколько грамотных. Ученых.
Дорвались.

* * *

Ложка дегтя,
Капля зла
Не испортит
Бочку меда,
Как случайная невзгода,
Неудача,
Непогода —
Море летнего тепла,
Как острота — юбилей...
Уважаемый коллега,

Лесть приятна,
Только снега
Снег не может быть
Белей,
Сахар сахара
Не слаще,
Хоть кусок его,
Хоть ящик...
Бочку меда бы
Спасла
Ложка дегтя.
Капля зла.

* * *

Остерегайся похвалы пустой,
Она грозит опасностью удушья!
Под каждым словом — вечной мерзлотой —
Глубокое укрылось равнодушие.
Почуешь и не слушаешь почти,
Тревожиться начнешь неизъяснимо:
Как это так? Хоть модные очки
К тебе обращены, а смотрят — мимо!
Сверкнули вдруг...
Двух слов недосказав,
Лыстец оценил твой облик воровато.
Мелькнули цифры быстрые в глазах,
Как в лампочках у кассы-автомата.

О ПАРОДИИ

За обиду когда-то не в суд —
Шли к барьеру, ища сатисфакции!
Нынче скажут спасибо редакции
И сатирику руку пожмут.

Экий странный усвоился взгляд,
Ну не спорим ли снова с природою?
Как награды, дождавшись пародии,
Бедный малый униженно рад...

* * *

Тщеславному всего страшней — забвеньё.
И чтобы чаша минула сия,
Из всех щелей и трещин бытия
Спешит потомков яростно заверить:
«И я при сем присутствовал!» — «И я...»

Да, фотодокументы разбирая,
Потомок, ты при гении найдешь
Такой набор разнообразных рож,
Попутчиков случайных, как в трамвае,
Что и не грех смутиться: гений кто ж?

Но ты взглядишь, кто принял позы: «Площадь
И я», «Я и вдали Казбек»,
«Я и прибой», «Я и Двадцатый век»...
Глядишь, к Петру Великому на лошадь
Еще взберется этот человек!

И будет он болтаться за спиною,
Трястись в галопе небывалых дел,
За медный хвост держась, от страху бел...
О, не брани его — оставь в покое!
Несчастный сам не знал, чего хотел.

* * *

Старая шутка сгорела дотла —
Даже и дыма не слышно.
Старая новость давно умерла,
Старая радость вся вышла.

Вот не осталось и старой вины.
Старые блекнут виденья.
Старая злость не имеет цены,
Как отмененные деньги.

* * *

Пролетят, накличут грусть
Гуси-лебеди,
Выйду в поле — растворюсь
В этом лепете,
В этой боли голосов

Исчезающих,
В этом лепете лесов,
Волчьих, заячьих...
Прозвучали на ветру,
Шкуры сбросили.
Солнце гаснет поутру.
Травы с проседью.
Леденеющая Русь.
Вьюги, замети...
Точно в поле, растворюсь
В твоей памяти.
Сух над снегом чернобыл,
Горечь летняя.
Точно в сказке — жил да был...
Вот и нет меня.

* * *

Так нелегко тебя любить
Вне расстоянья и вне срока,
Как трудно на ветру следить
Сквозь слезы — за звездой далекой.

О, сколько снегу намело,
Как холод сковывает души!
Так трудно сохранить тепло
Среди вселенской этой стужи...

А ты молчишь — и я молчу,
И рвется ниточка живая.
Так нелегко сберечь свечу,
Ее ладонью укрывая...

СОДЕРЖАНИЕ

Как говорили в старину	3
Классик, знаете, не виноват...	4
Жизнь открывается просто...	5
Открыты рощи и пусты...	6
Зима эвакуации	6
А где-то сохранился детский смех...	8
Как вечерами пусто на Петровке...	8
Дом в Кривоникольском переулке	9
Патефон	10
Свистуны отсвистели в свистульки...	10
Все меньше лирики в природе...	11
Ничего не откладывай...	12
Настоящее неуловимо...	12
Не заметишь, как ночь удлинится...	13
Анастасия, жена Аввакума	13
Никогда ничего не вернуть...	14
Державин	15
Что для воды быстротечной...	16
Бывало, писал Ломоносов...	17
Документальные кадры	17
Люблю собак...	18
Зла не помни и бровей не вскидывай...	18
Старый мост	19
Охота на бабочек	19
Не спеша оглянулся...	20

Что скрывает самшит...	20
Две женщины беседу заведут...	21
Старая дружба	21
Весеннее равноденствие	22
У нас во дворе...	22
Флейта	23
Голос Блока	23
«Как?» — спросил Андреев Блока...	24
Шахматово	25
Вот вышел из печати свежий том...	26
Ложка дегтя, капля зла...	26
Остерегайся похвалы пустой...	27
О пародии	27
Тщеславному всего страшней забвенье...	28
Старая шутка сгорела дотла...	28
Пролетят, наклинут грусть гуси-лебеди...	28
Так нелегко тебя любить...	29

НОВИКОВ Николай Георгиевич

НЕ СПЕША ОГЛЯНУЛСЯ...

Стихи

Редактор М. М. Ж и г а л о в а

Технический редактор Т. Я. К о в ы н ч е н к о в а

Сдано в набор 2.03.90. Подписано к печати 29.04.90. А 00288. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л 1,40. Усл. кр.-отг. 1,58. Уч.-изд. л. 1,46.
Тираж 150 000. Зак. № 1997. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

● **ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!**

Милые женщины! Берегите свое время!
Ваши нежные руки устали от многочасовой стирки.

Вашим домашним надоели бесконечные лабиринты из выстиранного белья.
Вы тратите на стирку все субботы и воскресенья.

А ведь в САЛОНАХ И ПРАЧЕЧНЫХ
САМООБСЛУЖИВАНИЯ всего за полтора
часа можно выстирать, высушить
и выгладить до 10 кг белья, затратив
при этом минимум энергии.

«Бытреклама»